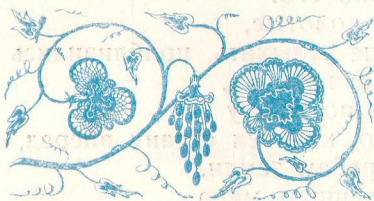

Н У Р Б А Я Н

ВОЖДЬ НА ТРИБУНЕ

Когда открылся Съезд
И, солнцем восходя,
Поднялся вождь наш на трибуну мира,
И имя — Сталин — полетело по эфиру, —
Рукоплескал весь мир,
Приветствуя вождя.
Мы слушали его.
Так буйно сердце билось.
А речь вождя была кристальна, как алмаз.
И в слово каждое так чудно воплотилось:
Все, что мечталось нам,
Что пламенело в нас.
Как будто смог в стране поговорить он с каждым.
Он знает все,
О чем мечтал любой из нас.
И вот с трибуны он
Всем миллионам граждан
Путевку в счастье выдает сейчас.
Когда он говорил —
Стихали океаны
И слушали они, дыша едва-едва,
Как с ветром из Москвы,
Через моря и страны,
Несутся гениальные слова.

Все слушало его:
Вершины гор крутые,
И южные леса, и тундра в мерзлой мгле.
Все слушало его.
И звезды золотые,
Чтоб лучше услышать, приблизились к земле.
Нам Сталин говорил,
И мчались по эфиру
Слова того, кто вел страну вперед,
Кто всем рабам земли,
Всем угнетенным мира
Ликующую жизнь в своей руке несет.
Спокойно говорил вожатый миллионов,
Звонят слова вождя, поют во всех сердцах.
Лишь у фашистов, свастикой клейменных,
Родят его слова звериный, лютый страх.
Мы слушали вождя,
В чем слове воплотилось
Все, что мечталось нам,
Что волновало нас.
Мы слушали его,
И наше сердце билось,
И речь вождя была кристальна, как алмаз.
Мы слушали того,
Кто миру счастье дал,
Кто ленинским путем
Привел страну к расцвету.
Он — коммунизма вождь,
Он солнцем мира стал,
Он счастьем озарил
Земную всю планету.

ПОЛЮС — НАШ

Туда, где снег, как белый шелк, расстелен,
Где дремлет Полюс
Под корою льда,—
Шли храбрецы сквозь бури и метели,
И часто исчезали без следа.
«Италия» в арктические шири
Умчалась —
И навек осталась там.
Боролся с вьюгой
Мужественный Пири
И много дней блуждал по диким льдам.
Всю жизнь Амундсен
С неослабной силой
Стремился к Полюсу
Через моря.
Но ледяная пасть его схватила
И не отдаст назад богатыря.
А швед Андре,
В мечту поверив твердо,
Сказал:
«Я льдин и стужи не боюсь.
Я на моем воздушном шаре, гордо
Как вольный сокол,
К Полюсу домчусь».
Послушный ветер
Шар его воздушный
Угнал в седой, таинственный туман.
И он погиб,
Мечтатель простодушный,

Проглочен льдами
Нелюдимых стран.
Там холод — лют.
Там скупо солнце светит.
Там в царстве бурь,
И вьюг, и холодов —
Ни городов, ни сел
Наш взгляд не встретит,
Ни трав,
Ни рощ зеленых,
Ни цветов.
А Полюс спал.
И долго не касалась
Нога людская девственного льда.
Исследователям земли казалось,
Что человеку
Нет путей туда.
Ведь мир не знал,
Что стойких, небывалых
Героев — наша Партия родит!
Таких людей,
Как Громов
И как Чкалов,
Как Водопьянов,
Молоков
И Шмидт.
На льдины Полюса
Среди туманов
Садятся соколы моей страны.
Таким водителям,
Как Водопьянов,
Закреть дорогу бури не вольны.
Народ за летчиков своих спокоен.
Недаром
Сталинцами их зовут.
Они уверенной рукою
Стальную птицу в облака ведут.
Они летят над Арктикою дикой,

Где швед Андре погиб в былые дни.
Сильны поддержкой
Родины великой,
Высоким чувством
Зажжены они.
Заданье нашей родиной
Дано им:
Невиданные проложить пути.
Быстрее ветров
Над ширью ледяною
Отважный сокол сталинский летит.
Им не страшны арктические дали.
Пурга бессильна сбить с дороги их.
Стальную волю
Гениальный Сталин
Вложил
В сознание каждого из них.
И сказочный мороз их не пугает.
Они летят, бесстрашные, вперед.
С восторгом
Сталинских орлов встречает
Свободный и великий наш народ.
Бой с Арктикою дикой —
Им не страшен.
Они давно закалены в бою.
Не раз в былые дни
Герои наши
Сражались за республику свою.
Смирись, природа,
Покорись героям!
Смирись и сдайся нам,
Суровый Норд!
Мы все равно
На Полюсе построим
Советский северный аэропорт.

НЕЗАБЫВАЕМАЯ МОЛОДОСТЬ

(Вольный перевод)

1

Скудеют юности приметы,
Года не возвратят потерь,
И песней, некогда пропетой,
Мне снится молодость теперь.
Уже другие поколения
Растут средь радостных побед,
Для них лишь отдаленной тенью
Протянется в годах мой след.
Но песней, полною задора,
Которой ныне имя дам,
Он проведет их сквозь просторы
К незабываемым годам.
К годам, когда пурга сгорала
В мятежном шорохе лесов,
Когда на подступах Урала
Мерцали острия штыков...
Они живут еще в преданьях,
В следах протоптанных дорог.
Года, как память ожиданий,
Ночных дозоров и тревог.
И до сих пор еще внезапный
Экспресса окрик средь ночей,
Сосны дремотный сладкий запах,
Весной разлившийся ручей,
Гранита сдавленные своды,
Тропинки торные меж скал
Напоминают мне те годы,
Бои, походы и Урал...

Другой средь юношей веселых
Уже ходил бы как старик,
Но я — питомец комсомола,
И к старости я не привык.
Он вырастил меня поэтом,
Сквозь боевые годы вел,
И лучшие стихи за это
Тебе отдам я, комсомол.

2

Припоминать мне детство нечем,
Нет даже карточки простой,
Фотографом был не отмечен
Ребенок, бледный и худой.
В делах охраны погребенный,
Как тусклый оттиск всех обид,
Абдул небритый, изможденный,
С поблекшей карточки глядит.
Пускай же дымом серебристым
Мне время кудри заметет,
Пусть самым юным коммунистам
Пойдет шестидесятый год.
И в плеске радостного гула
Все шире будет наш простор,
Исчезнет след земной Абдула,
И мой давно померкнет взор,
Но не бесплотной станет тенью,
Запечатлен стихом моим, —
Абдул в грядущих поколениях
Навек останется любим.
Но память не всегда покорна
Воображенью моему,
И много дат рукою черной
Уже погружено во тьму.
Дни проходили без стремлений.
Их бег был мрачен и угрюм,

Нам не было дано волнений,
Что светом озаряют ум,
И что теперь припомнить можем
Про юдоль черствую тех дней,
В их пустоте, с ночами схожей,
Был вечер полдня голодной,
Ни даже детские забавы —
Пускать по лужам корабли,
Бежать по улицам оравой
Иль домик строить из земли —
Не знали мы тогда с Абдулом.
Нет, в те далекие года
Я пас в молчании понуром
Аула тощие стада.
Покуда мать, рабыня бая,
Его холила дочерей,
Я брел по пастбищам, внимая
Унылым песням косарей.
Я рад был вырваться из дома,
Где чад родился с нищетой,
Хоть не всегда краяхи ломоть
Мой путь делил в те дни со мной.
И я бродил по склонам горным,
В зеленый, птичий мир влюблен.
Но был Абдул судьбою черной
И этим даром обделен.
Он с детских лет дышал отравой
И гнилью городских лачуг,
Пред ним не зеленели травы,
Не расстилался сочный луг.
В извечном грохоте металла,
В грязи фабричного двора
Абдула детство протекало
И зрела юности пора.
И если б буря не настала,
Что наши сблизила сердца,
Его бы также ожидала
Жестокая судьба отца.

Лучистые глаза Темира
За тридцать безотрадных лет,
За тридцать лет нужды безмерной
Уже утратили свой цвет.
За форткой, на дворе, шумела
Ручьями новая весна,
Слабело стынувшее тело,
И становилась даль мутна.
Весна ручьями клокотала,
А он недвижим был в углу,
Уже напрасно хлопотала
Над ним Абдула мать — Солу.
Напрасно нежною рукою
Снимала пот с его чела.
К порогу вечного покоя
Судьба его уж подвела.
И взглядом он обвел лачугу,
Готовясь в свой последний путь:
— Прошу... последняя услуга,
Еще раз воздуху глотнуть...—
Идет по улицам печальным,
С печальным, трепетным лицом,
Но вот и окон ряд зеркальный,
И двери с бронзовым замком.
«Я отдавал, пока был молод,
Тебе и труд и жизнь свою,
Не дай же, чтоб когтистый голод
Теперь терзал семью мою...»
Молчат завешенные стекла,
И дверь хозяйская глуха,
Далекая заря поблекла,
И стала улица тиха.
В ту ночь озноба и хрипенья,
В жару предсмертном трепеща,
Большую клятву, клятву мщенья
Темир Абдулу завещал.

Оборванная смертью этой,
 Абдула юность отошла,
 Но боль отцовского завета
 Еще сильнее сердце жгла.
 И скоро в слободе рабочей
 Узнали новые слова.
 Глухою, тягостною ночью
 От них кружилась голова.
 Гудком на сонном полустанке
 Они влекли на бой, на свет...
 И вот уже средь дел охраны
 Абдула замелькал портрет.
 Но слышен был уже весною
 Подземный орудийный гул,
 Он вскоре пламенной грозой
 Навеки мир перетряхнул.
 И над землею обновленной
 Повеял отзвук новых слов:
 — Вставай, проклятьем заклейменный,
 Весь мир голодных и рабов!..
 Абдула след был всюду виден,
 Он первым подхватил напев,
 Он был с его душою слитен,
 Отцовского наследства гнев.
 Его в широкие просторы
 Волной могучею несло,
 Он с этой песней прибыл вскоре
 В мое далекое село.
 Год девятнадцатый, великий,
 Мне памятен твой каждый день.
 Неслись с востока белых клики,
 На нас набрасывая тень.
 Я помню, юноши аула,
 Как в улей, прилетали в клуб,
 Внимали мы словам Абдула,
 Что грохотали звонче труб.

Глухой, унылый мир пастуший,
Полынной доли батрака,
Сияньем жизни был разрушен,
Манившей нас издалика.
О, сердца сладостнейший трепег,
О, силы молодой напор,
Скорее ускакать бы в степи,
Где боем пламенел простор!
Как сердце дрогнуло однажды,
Как бы рванувшись из тенет,
Приветствуя ударом каждым
Лежавший рядом с ним билет.
Мы выступали ряд за рядом,
Шли, непреклонны и тверды.
Я горд был, что меня солдатом
Взял комсомол в свои ряды.
А мать была покорна баям,
Их наущениям верна,
Пред ними голову сгибая,
Внимала их словам она.
И вздрогнула она от гнева
Меня с винтовкой увидав:
— Не допущу я, чтоб посева
Погибли из-за сорных трав...
Коль не уйдешь из комсомола —
Не переступишь мой порог,
Тебя родные не неволят,
Да будет мир тебе широк!»

5

И я ушел... Года настали
Великой жизни боевой.
Передо мною таял в далях
И стлался дым пороховой,
И по проселочным дорогам,
Из Мензелинска, сквозь леса,
Тропинкой горною и логом
Мой конь резвился и плясал.

Бессильная пурга сгорала
В мятежном шорохе лесов,
Уже на подступах Урала
Мерцали острия штыков.
Но знали мы, что партизаны
Врага за море отеснят,
Абдул, сражаясь неустанно,
Свой комсомольский вел отряд.
И я делил с ним отдых краткий,
Краюху хлеба и шинель,
Весной внимали мы украдкой,
Как соловей заводит трель.
Казалось, дружбы неразлучной
Никто не сможет разомкнуть,
Но как-то, пулею колючей,
Был прерван наш совместный путь.
И врозь пошли дороги наши,—
Куда какая поведет...
Кто ж об Абдуле мне расскажет,
Кто эту песню допоет?..

6

Абдул забылся в сновиденьи,
Но тяжек сон в часы утра,
Над раненым прохладной тенью
Не раз склоняется сестра.
И легкой, дружеской рукою
Кошмары отгоняет прочь:
— Очнись, товарищ, что с тобою?
Застыла на пороге ночь!..—
О, разговоры до рассвета!
К чему перебирать их вновь?
Во всех вопросах и ответах
Скрыто там одно — любовь.
И сквозь дымок выздоровленья
Абдул узнал одно — любим...
Недаром сладостным виденьем
Она склонялася над ним.

И мир все делался желанней,
Как дрожь весеннего куста,
И теплыми губами Аня
Вливала жизнь в его уста.
Но возвращенный мир был грозен,
Он дымом плыл пороховым,
Под снегом дремлющая озимь,
И та пошла брататься с ним.
Презрев выздоровленья сроки,
Абдул опять рванулся в бой,
И вот все трое мы жестокой
Разлучены уже судьбой.

7

Прошли года, и в их стремленьи
Как изменилось все кругом!..
С лица земли исчезли тени,
Все дышит счастьем и трудом.
И там, где раньше партизана
Встречал орудий хриплый гул,
Теперь в усильи неустанном
Колхозы, фабрики растут.
Они сулят нам изобилье,
Они всех радостей залог...
Но вот друзей, что мы любили,
Среди каких искать дорог?
Абдул, открывший мне широкий,
Великий жизненный простор,
Казалось мне, с моей дороги
Навек уже исчез с тех пор.
Как воин армии железной,
Я жил и думал со страной,
И вот из памяти исчезла
Старуха-мать и дом родной.
Казалось, все давно забыто,
Не пробудить знакомых черт,
Как вдруг я получил покрытый
Дрожащим почерком конверт.

Открыв его, от изумленья
На миг застыл я в столбняке:
«Мой сын, простишь ты, без сомненья,
Нетвердо пишущей руке.
Хоть много лет уж мне минуло,
Но вот я зренье обрела...
Поверь, ты б не узнал аула,
Родного своего села.
Мы все в колхозе, и над нами
Уже не виснет баев плеть,
Днем мы трудимся, вечерами
Учусь я грамотой владеть,
Когда б я на тебя взглянула,
Еще мне легче стал бы труд,
И друга своего Абдула
Ты тоже увидал бы тут.
Начальник он политотдела,
Как друг, он помогает нам,
Ведь он, как полководец смелый,
Колхоз ведет к счастливым дням.
Он сделал для меня немало,
Зимою плохо мне пришлось,
На старости я захворала,
В больницу он меня отвез.
Меня болезнь держала злая,
Лежала долго я больной,
Но все же спасена была я
Его заботливой женой.
Она здесь врач... Но как-то странно
И больно было мне вдвойне,
Когда показывала Анна
Сыночка маленького мне.
Давно мои больные руки
Невестке вышили наряд.
Неужто матери-старухе
Ты внука подарить не рад?...»
Я вздрогнул от слезы нежданной,
Письмо простое прочитав.

Запахло юностью туманной
И зеленью весенних трав.
И понял я—в стране, как наша.
Нет больше к старости дорог,
Когда взамен рабы вчерашней
Такую мать найти я смог.
Пускай же дымом серебристым
Мне время кудри заметет,
Пусть самым юным коммунистам
Пойдет шестидесятый год,
И в плеске радостного гула
Все шире будет наш простор.
Исчезнет след земной Абдула,
И мой давно погаснет взор,
Но не бесплотной станет тенью,
Запечатлен стихом моим,—
Абдул в грядущих поколениях
Навек останется любим.
Скудеют юности приметы,
Года не возвратят потерь,
И песней, некогда пропетой,
Мне снится молодость теперь.
Другой средь юношей веселых
Уже ходил бы как старик,
Но я—питомец комсомола,
И к старости я не привык.
Он воспитал меня поэтом,
Сквозь боевые годы вел...
И лучшие стихи за это
Тебе отдам я, комсомол.

1933—1934

Я СЧАСТЛИВ

Шатры белели на опушке,
И шорох слушал я лесной;
Держа свою винтовку крепко,
Стоял я, верный часовой.

Когда показывалось солнце,
Я зорко всматривался в лес,
Не шевелясь, стоял на страже,
Как сокол на скале.

Те дни в уме запечатлелись,
Как слава юности моей.
Дни шумные тревог моих!
Чем больше думаю о них,
Тем кажутся они светлей.

Какое счастье большое —
Быть часовым в родном краю!
И званье славное героя
Так наполняет жизнь мою!

Но и сегодня я — стрелок,
И «ворошиловский» значок
Мою петлицу украшает.
Я счастлив, что вперед

Страна советская идет,
На труд нас Сталин вдохновляет.

Герои охраняют гордо
Мою страну. Наступит час,
Они курок нажмут рукою твердой,
Лишь нападут враги на нас...

МАЛИКЕ

Пишу тебе песни, моя Малике,
Ты снишься мне наяву.
Не гневайся, если тебя в стихах
По имени назову.
Селенье в те годы томилось еще
Во власти обид и гнева,
Но веселы были высокий дом
И широкошумный сад,—
А домом и садом владел купец:
Он весел был и богат.

Там юность погасла твоя. Ты была
Работницей у кулака.

Скажи, Малике:
Отчего бы тогда
Утихла твоя тоска?

— Стояла, к стене прислонясь, на углу,
Лицо было листьев желтей...—
Такая ли песня могла утолить
Томленье души твоей?
До света вставала. А встанешь позднеей —
Хозяин, рассвирепев,
На голову нищей рабы низвергал
Не знавший пощады гнев.
Я знаю, ты помнишь минувшие дни.
Под сердцем ты понесла;
Страданье свалило на землю тебя,
Как яростная стрела.
Ты в поле с ребенком лежала — и вот

Услышала ты: идут!
И люди в деревню тебя привели
И в бане дали приют.
Напрасно стонала и плакала ты
И грезила о воде.
И некому было воды принести,
Помочь роженице в беде.
И умер твой муж. И ты жила
С ребенком своим вдвоем.
К тебе, горемыке, никто не пришел
Спросить о здоровья твоём.
Моя Малике!
Ко мне почтальон
Пришел сегодня, чуть свет,—
Газету принес со статьей о тебе:
Там твой напечатан портрет.
В колхозе ударница ты — и всегда
В шеренге передовой.
Другим тебя ставят в пример: ты ведешь
Колхозников за собой.
Теперь председателем избрана ты,
И цель бытия твоего —
Строительство нашей великой страны,
Великих идей торжество.
Ты счастлива.
Женщина здесь — человек,
И воин, и гражданин,—
Затем, что умеет за социализм
Сражаться не хуже мужчин.
Ты счастлива,
Мы разгромили врага.
Проходит за годом год —
И наша страна впереди других
Широким путем идет.
И речи твои на собраниях звенят,
Ты вновь молода и сильна
И гордость пылает в твоих глазах,
И радость в словах слышна.
И съезду колхозному ты говоришь:

— В простор убегают поля,
Мы их засеваем, и знаем мы,
Что это наша земля.
За дело свободы борьбу мы ведем,
Грядущее светит нам,
И пламенный факел славы своей
Мы передадим векам!

1933

КОМБАЙНЕРКА ГУЛЬСУМ

1

Счастлива ты, комбайнерка Гульсум!
Ты и не помнишь проклятые дни.
Счастлива ты, молодая Гульсум,
Что никогда не вернутся они.
Слез не лила над своею судьбой,
И не батрачила в поле чужом,
И не слыхала, как над головой
Бомбы свистели и рвались кругом.
Дым, словно облако — в поле, в лесу...
Нет, не костры — это край наш пылал...
Где тебе помнить все это, Гульсум?
Ты ведь младенцем в те годы была.
В тихих селеньях, в больших городах,
Всюду — огонь, разрушение, испуг...
Ты ж в колыбели лежала тогда,
Вздрагивала, озиралась вокруг...

2

Синие горы ты любишь, Гульсум,
Любишь зеленую свежесть лугов.
— Кто же разрыл их? — ты спросишь,
Гульсум:
— Что тут за насыпь? Зачем этот ров?
Слушай, Гульсум, я отвечу тебе:
В этих окопах в жестоком бою,
Здесь, где со мною стоишь ты теперь,
Мы отстояли свободу твою.
Здесь батареи стояли у нас,
Здесь они смерть посылали врагам,

Здесь, где свободно мы дышим сейчас,
Ходим по мирным колхозным лугам...

3

Счастлива ты, комбайнерка Гульсум!
Где тебе помнить проклятые дни?
Помнят их мать и отец твой, Гульсум!
Разве те дни позабудут они?
Ты не батрачила в поле чужом,
Ты на заре не вставала, Гульсум.
Лишь по рассказам ты знаешь о том,
Как они жили в те годы, Гульсум.
Жив твой отец. Побелели виски.
Сгорбился старый, в неволе живя.
Так опускает свои лепестки
Поздний цветок, что под осень завял.
От тумачков, от хозяйских плетей
В ссадинах, в пятнах отцова спина —
След ненавистных, мучительных дней,
Дней, о которых ты помнить должна.

4

Ты их запомнишь, родная Гульсум,
Хоть и не знала, не ведала их.
Радость победы ты знала, Гульсум,
Радость весенних полей молодых.
Шумно колышется спелая рожь,
Дань отдавая колхозной весне.
Счастливо, мирно, Гульсум, ты живешь
В нашей счастливой весенней стране...
Если же снова нагрянет войной
Враг, чтобы радость нарушить твою —
Вместе со всей молодою страной
Будешь ты биться в кровавом бою.
Грянут сигналы последней борьбы.
Смело взлетишь ты над миром, Гульсум.
Бомбы ты сбросишь из туч голубых
Прямо во вражьи окопы, Гульсум.

НА ПОСТУ

Ночь темна,
А я один стою,
Здание чернеет предо мной.
Рвется ветер в сторону мою,
Пробегает ветер стороной.
Я один —
И ни души вокруг,
Но винтовка здесь — моя жена,
Мой товарищ, неизменный друг.
Мне дороже золота она.
Ночь.
Дома затворенные спят,
И часы на каланче
Молчат.

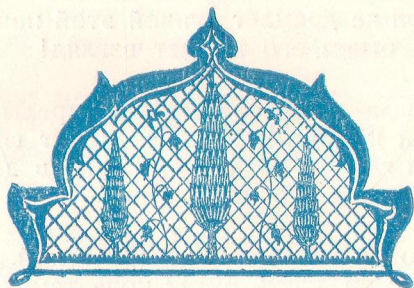
Буйный ветер, грозен и тяжел,
Камнем нависает над стеной.
Он сюда, как богатырь, пришел
Силами помериться со мной.
Хочет он с меня сорвать мой шлем
Да не может.
Пусть летит, трубя.
О, мое стальное сердце! Чем
Полночь потревожила тебя?
Город спит.
В домах гнездится сон.
Думы дразнят душу.
Тишина.
Охраняет ветряной кордон
Бледная разведчица — луна.

Ходит в поднебесьи, как боец —
Пограничник на своем посту:
Одинока, из конца в конец
Всю свою обходит высоту.
Снова бьется ветер о забор.
То по крышам пробежит, сердит,
То посмотрит на меня в упор
И назад — к забору отлетит.

Я винтовку твердой сжал рукой,—
Прямо в очи ветра загляну!
Я стою на страже — часовой,
Охраняющий свою страну.

1928

Ш А Й Х И М А Н Н У Р

БРАТСТВО

1

Берез кудрявых вьющиеся косы
Под инеем — он словно вешний цвет.
Их серебрит, их ясно озаряет
С небес холодных падающий свет.

Как бы дыханьем спящего младенца
Полночный воздух ветерком задет,
И облачные в небе караваны,
Луну минуя, тянутся в Тибет.

И шелестит и глухо, и невнятно
Ветвями колкими сосновый бор.
Подобен песне старого манчжурца
Далеких сосен смутный разговор.

Безмолвием окутанный полночным,
Лес погрузился в безмятежный сон.
Спят белые олени, быстрый заяц,
Но человек — не знает дремы он.

Ночами он бодрее, чем в полудни.
Высоко на обрыве, у камней,
Там, у черты предельной, у границы,
Под мощной елью, у ее корней,

Под ветками, под их нависшим снегом,
Лег человек. Как бел его халат!
Нет, он не дремлет лунной этой ночью!
Каким огнем его пылает взгляд!

Его глаза — они острей, чем стрелы.
Пускай к другим ночные сходят сны.
Но он глядит, глядит он зорко в дали,
И нервы все его напряжены.

Далеко он несется мыслью чуткой.
Заметит он, пусть будет ночь темна,
И колыханье легкое полыни...
Высоко в небе катится луна

И гаснет, удаляясь постепенно...
Там, на хребте Тарбагатайских гор
Темнеет стая туч волнообразных.
Густеет мгла. Скользнуть не в силах взор
Сквозь черный шелк...

2

Безмолвен лес, объятый сном блаженным.
Лишь где-то тихо зыблется сосна.
В тиши горниста утренняя зорька,
Как эхо отдаленное, слышна.

Внезапно оборвавшаяся песня...
И где-то снег чуть слышно заскрипел...
И пограничник будто бы очнулся,
И в сторону внезапно посмотрел.

Там тень. Еще! Простили они границу!
И замер пограничник, и притих.
И тени, стороной его минуя,
Идут, скользят среди снегов немых.

Да, этой ночью враг наш притаился
И обойти заставу захотел.
Курок нажал спокойно пограничник.
Очнулся лес, и выстрел прогремел.

И наша поднимается застава.
Идет дозор... еще ночной дозор.
Винтовки, маузеры, пулеметы
Поспешный поднимают разговор.

И, в нас бросая быстрые гранаты,
Враги к кустам обратно отошли,
И снова скрылись сумрачные тени
За лесом, за границею, вдали.

Высоко над Хинганскими горами
Уж протянулся розовый рассвет...
Как нет врага, укрывшегося снова
За рубежом,— и мглы полночной нет.

Когда ж обратно шли они с границы,
Бойцы, такие страшные врагу,
Не шел он с ними: ими найден был он
Без памяти простертым на снегу.

Горячей кровью сердца молодого
Был влажен снег...

...И на друзей, очнувшись, поглядел он,
Блеснула мысль в раскрывшихся глазах,
И ясно он постиг, что это значит,
Что он лежит на дружеских руках.

— Товарищ командир,— сказал он,— недруг
Четвертый раз... ущерб нам причиня...
Прощайте... Вы домой письмо пошлите,
О том, что пал я, родину храня.

И сделались глаза его недвижны,
Уж холод смерти был в его крови.

Но навсегда в глазах его остался
И ненависти пламень, и любви.

3

А мать его, работавшая в шахте,
Ждала письма. Как долго писем нет!
Но скоро весть неожиданная приходит,
С границы весть. «От сына вам привет.

Привет с границы родины примите.
Ваш смелый сын, он и в последний час
Отца все помнил, мать свою все помнил,
Любил свой край. Любил он также вас.

А родину свою любил он крепко
И защищать умел ее, как лев...»

...Илдар прочел, и замер он на месте,
Письмо сжимая горестно в руках.
Склонив чело, все думал он о брате,
О рубеже далеко, о врагах.

За целый день не молвил он ни слова,
Потом, когда погасли фонари,
Взял белый лист и за письмом сидел он
До появления утренней зари.

Его письмо: «Товарищу Наркому.
Граница наша одного бойца
Лишилась. Был он брат мне. Так примите
Меня. Я буду биться до конца».

4

Растет к врагу пылающая злоба.
И дни идут, и должный вышел срок.
И вот Илдар домой пришел веселый:
В руке повестки он держал листок.

К взволнованным родителям идет он,
Он говорит: «Ты успокойся, мать!
Ты не грусти, родная, не волнуйся.
Печально очи в дали устремлять

Не надо. Этих долгих взоров нежность
Так сыновьям всегда была близка.
Под теплотою их мы возрастали.
Родная! Тяжела твоя тоска,

Но не забудь, что ты ведь мать героя,
Героя, уподобленного льву.
Не плачь. Твой младший сын в печали тоже:
Покой к себе напрасно я зову.

Ведь сильно своего любил я брата,
Хранителя советских рубежей.
А весть пришла,— и душу обнимает
Любовь к нему все крепче, все сильней.

Когда ты любишь родину, родная,
Когда любовь к герою полнит грудь,
Когда к врагу ты ненавистью дышишь,
Своим согласьем освети мой путь.

Я порешил уехать на границу,
Где пролил кровь любимый старший брат.
Я знаю: эти руки так же смело
Родную нашу землю охранят».

И снова сердце матери томилось,
И горестно корила сына мать.
«Ты у меня один теперь остался.
Как мне сына последнего терять?»

Ты лишь цветок, поднявшийся на солнце,
Конечно, нежность к брату хороша,
Но, голубь мой, ты все же слишком молод,
Лишь юностью полна твоя душа».

Отец, узнав стремление Илдара
Хранить с ружьем родные рубежи,
Промолвил так: «Решенье одобряю,
Ты, Гайша, не волнуйся, не тужи.

Обдумал все. Я знаю, прав наш мальчик.
И ты, жена, должна его понять.
Пусть едет он, когда для службы годен.
Коль мы страны не станем охранять,—

За нас хранить ее никто не станет.
Лишь под защитой доблестных сынов
В тревоге мы не будем ждать набегов,
Не будем ждать нашествия врагов.

И вся страна с тобой, со мною вместе.
Одни не будем. С нами целый свет.
И ветерок с востока, каждым утром,
К нам от сына домчит сюда привет».

И сердце материнское в смятении.
Так — тяжело, а этак — тяжелей.
Когда его — последнего — отпустит,
Кто будет утешением очей?

Но где-то там, далеко,— так далеко!—
В краю оленей белых и лесов,
Там брат его, простертый под курганом,
Лежит в объятии сложенных венков.

«Ведь там он пал от злобной вражьей пули,
Оберегая родину свою,
И если я сдержу теперь Илдара
И на своем слезами настою,—

Товарищи погибшего что скажут?
Что скажет совесть бедная моя?
Что будет, если брат на место брата
Не выступит в далекие края?»

Такие мысли матери явились.
Постигла все, все стало ей светло.
И на заре Илдара провожала,
Его целуя в ясное чело.

5

Безмолвием окутанный полночным,
Лес погрузился в безмятежный сон.
Спят белые олени, быстрый заяц.
Но человек — не знает дремы он.

Там на черте предельной, у границы,
Высоко на обрыве, у камней,
Под ветками, под их нависшим снегом,
Под мощной елью, у ее корней

Лежит Илдар. Лежит в халате белом.
Тут брат лежал. Тут страж простерся вновь.
В руке винтовка, на нее когда-то
Струилась брата пламенная кровь.

И черный взор остер, как взор орлиный,
И светит он пылающим огнем.
Свой черный взор он устремляет в дали,
И напряженно смотрит он кругом.

Уж скоро мгла рассеется густая,
С Манчжурии надвинется рассвет,
И солнце, алым светом полыхая,
Из моря выйдя, кинет свой привет.

1936

ДЕДУШКА ГАЙДЖАН

За чаем дедушка Гайджан
Все говорит.
Давно остыл его стакан,
Но сердце радостью горит,
И потому он говорит,
Все говорит:

— Пусть люди скажут —
Нынче я
И знатен и богат.
Я счастьем,
Радостью богат,
И уважают все меня.
— Гайджан ударник!—
Говорят.
И, встретив, машут мне рукой...
А в прежние года
Лишь трое бедняков со мной
Здоровались всегда.
А тот, кто побогаче был,
При встречах молча проходил.
Лишь в день «Гаита»¹ замечал
Меня богач
И говорил:
— Привет!
Ну, как дела, Гайджан?..
Потом опять весь год молчал...

¹ Гаит — большой мусульманский праздник.

Вот прошлой осенью, когда
Распределили урожай,
Политотдел нас всех катал
В автомобиле.
«Поезжай,
Садись, Гайджан!» —
Мне говорят...
И сел я, несказанно рад...

И задал я себе вопрос:
«Гайджан,— я говорю,—
Тобой гордится весь колхоз,
Ты знатен,— говорю.
Не голубь в сердце залетел,
А радость, о, Гайджан!
Ты от нее помолодел,
Веселым стал, Гайджан!
Теперь ты знатен и богат,
Ты все растешь, растешь.
Ты с временем шагаешь в лад,
Ты по своей земле, Гайджан,
Уверенно идешь!..»

И сам себе я говорил:
«Колхозной честью дорожа,
Работать буду что есть сил,
Чтоб имя честное — Гайджан,
Не запятнать!»

И я вскормил
Колхозных двадцать жеребят.
И не жалел я сил.
И много я ночей подряд
От них не отходил.
Зато взгляните на моих
Питомцев: каковы!
Ведь шеи лебедей у них,
А сами — будто львы.

С восторгом я на них гляжу,
На жеребят моих,
И, сам не замечая, ржу
И прыгаю средь них.

Вожусь я с ними и сейчас...
Еще скажу я вам,
Что я в комиссии у нас
По качеству,
И сам
Все дело на себя я взял.
При мне — уборка высока.
Я никогда не оставлял
В полях ни колоска...

Одно не радует меня,
Не знаю, как мне быть:
Не хочет старая моя
Ударницею быть.
Все отговорки — то да се,
Да занята весь день...
Идут года — старуха все
Свою не сгонит лень...
Тут бабушка Хабибджамал,
Такой обиды не стерпев,
Обрушила на мужа гнев:
— Стыдился б, старый самохвал!
Смотрите,
Дожил до седин,
А думает, что он один
У нас ударником слывет!
Но и жена не отстает.
Гайджан!
Скажу я не шутя —
Не даром все мои труды:
Ведь, дыни спелые растя,
Я вышла в первые ряды.
Ты в поле колоски искал,
А я с лопатою в руке

Трудилася невдалеке,
На огороде.
Ты не знал,
Что старая Хабибджамал
На красной числится доске.
Но мимо той доски, старик,
Проходишь ты, закрыв глаза.
А если б ты читать привык,
То слов таких бы не сказал...

Смеется дед.
Хоть знает сам,
Но спрашивает:
— Ты всерьез?
Впервые слышу!
Чудеса!
Что делает колхоз?!
Сам думает:
«Ну, и жена!..»

И гордость велика —
Давно таилася она
В груди у старика.
Он знает, что Хабибджамал
И он —
Давно равны,
Что уважает стар и мал
Труды его жены...

Прищурил дедушка глаза
И вновь заговорил:
— А вот о главном рассказать
Я чуть не позабыл.

Вчера тут кто-то весть принес,
Что к нам летит аэроплан.
Катать он будет весь колхоз,
За перевыполненный план.

И вправду —
Ожил весь восток,

Рокочет и гремит.
Глядим:
То самолет летит.
В лучах крыло его блеснит,
Полет его высок.
Все ближе, ближе самолет...
Вот, сделав плавный круг,
Вдруг на посадку он идет —
Вот птицей сел на дуг...

Какой там поднялся галдеж!
Бегут и стар, и мал.
А тут открыли митинг...
Что ж,
Я тоже слово взял...

Тут председатель вдруг кричит,
Взобравшись на аэроплан:
— Пусть первым небо посетит
Наш дедушка Гайджан!
Он председателем в полях
По качеству — и знают все:
Он колоска не оставлял
На сжатой полосе.
Так пусть теперь поля свои
Осмотрит он с небес!—
Сказал наш председатель — и
С аэроплана слез.

Все закричали:
— Пусть летит
Наш дедушка Гайджан,
Пусть крышу неба посетит
Наш дедушка Гайджан!..

Да!
Я не скрою:
Для меня
Был радостен тот миг.

Я влез в кабинку.
Слышу я:
— Смелей, смелей, старик!..
Народ смеется, машет вслед,
А я — уж над землей.
Я шляпою машу в ответ
И вверх лечу стрелой.

Все выше, выше...
В синь... в туман...

Э-э!

Куда махнул!..—
Тут, братцы, дедушка Гайджан
Немножечко трухнул.
В душе внезапно страх возник...
Мелькает все кругом...
Закрыл глаза...
Но в тот же миг
Окончился подъем...

Неужто снова на земле?..

Открыл глаза —

И обомлел:

Как на ладони, подо мной
Мои поля, аул родной.

Над миром мы летим, гремя.

Все узнаю я сам:

Вот Кулле,

Вот Ирек,

Чишмя¹,

Окрестные леса...

А вот «Аршак»!..

И я — Гайджан —

Тут уронил слезу,

Когда родной колхозный стан

Увидел я внизу...

¹ Кулле, Ирек, Чишмя — названия селений.

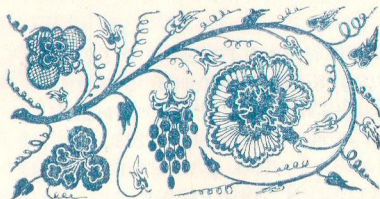
Немало в жизни я видал,
Немало прожил я — старик,
Но я до сей поры не знал,
Как мир велик!

Я огородом пролетал,
Где ты так часто занята
Своими дынями, жена!
Ведь ты заметила, жена,
Как делал я за кругом круг
И как садились мы на луг,
Как шляпой я махнул —
Она
Чуть-чуть не выпала из рук...
Спустился плавно самолет,
Как будто бы журавль.
Меня приветствовал народ,
Бежал, кричал — «ура!»

Потом другие вслед за мной
Свершали первый свой полет —
Старухи, девушки...
Такой
Пошел теперь народ!
Но что обидно мне, жена,—
Летели все.
Лишь ты одна
Воздушный не свершила путь...

Так вот:
Давай когда-нибудь,
Подобно многим молодым,
С тобою вместе полетим!
Пообещай же старику,—
Сказал Гайджан жене,—
Ну, а теперь налей чайку
Моим друзьям и мне...

МУСА ДЖАЛИЛЬ

МЕЧТА О ПОЛЮСЕ

(Отрывки из поэмы)

В годы детские, слаб и мал,
Не сводил я с Севера взгляд,
В ледяные стремясь края.
Все туда полететь я мечтал,
Все глядел я, как птицы летят,
И завидовал птицам я.

О, как дивен полет их был!
Как легко в туманную даль
Уносил их порыв ветерка!
Я ж томился, как птица без крыл,
И себя мне было так жаль,
И сжимала мне грудь тоска.

Но, лишённые крыльев птиц,
Люди крылья иные нашли,
Покорили воздушный простор.
Долетев до последних границ,
Мы на льдинах полярной земли
Зажигали наш красный костер.

В детстве часто я с грустью глядел
Как, на Север стремясь, высоко
Птичий клин в облаках плывет.

А вчера надо мною пропел,
Обгоня пернатых легко,
Многосильный наш самолет.

И с волнением глядел я вслед...
Как далеко от черной земли
Он вонзался в сизый туман!
И, в густое сиянье одет,
Скрылся, будто растаял вдали,
Затихавший аэроплан.

Пролететь сквозь густой туман
Прямо к Полюсу, в царство льда,—
Что чудесней такого пути?
И просторы полярных стран
Сделать нашими навсегда,—
Можно ль подвиг славней найти?

Вновь сегодня сердца порыв
В ледяные края влечет,
Властно к Полюсу тянет меня.
Как могуч ледяной разлив!
Как сверкает девственный лед
В ясном блеске полярного дня!

Знаю — сердца не обмануть.
Слышу — голос его упрям.
Видно, впрямь полечу я туда,
Видно, впрямь я отправлюсь в путь,
Чтоб открылся моим глазам
Полюс в синей короне льда.

Лют арктический океан.
Холодней и сумрачней льда
Буревое его лицо.
Он закутан во мглу и туман,
Он в лице не менялся, когда
Льды его поглощали пловцов.

Но хотелось бы видеть мне,—
Есть ли буря иль шторм такой,
Что сломили бы большевика?
Кто рожден в советской стране,—
Тот отважен в схватке любой,
В том победная воля крепка!

И когда мы на Полюс летим —
Нас отбросить назад не вольны
Ни мороз, ни льды, ни туман.
Сыновья советской страны
Проложить сумели пути
Прямо к сердцу полярных стран.

Победим мы в любой борьбе,
Победим мы в любом бою...
Слышишь, ветер, полярный страж!
Я кричу сквозь пространство тебе!
Укроти свирепость свою,
Ибо Северный полюс — наш!

Путь себе проложив навсегда,
В заполярье, в отчизну зимы,
Как хозяева мы вошли,
Потому что и в царстве льда
Горячи и стремительны мы,
Сыновья советской земли.

Потому что в стране у нас
Молодежь стальная растет,
Закаляя себя трудом.
И она могла бы сейчас
Сквозь вулкан просверлить проход,
Если б стройка нуждалась в том.

На далекий суровый Норд
Шлю я в сумрачные края
Небывалым героям привет:
— Вашей славной победой я горд.

Бьется сердце мое, друзья,
Вторя эху ваших побед.

Мощь стальную словам придав,
Крикну в радиорупор страны:
«Мы в советском краю родились,—
Большевицким духом сильны,
И у Полюса в мерзлых льдах
Будем строить мы социализм!»

1933

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

(Отрывок из поэмы «Директор и солнце»)

Подстригли мы рыжие волосы тщательно
И рыжую бороду
Деда-земли.
И, все колоски подбирая старательно,
В совхозе поля до конца обошли.
Потом трактора выходили по осени
И долго кружились по гладким полям.
А дней через десять
Зеленою озимью
Покрылась
И похорошела земля.
Холмами, на вид золотое и медное,
Легло на току
Сортовое зерно.
И в души вливается радость победная,
И счастьем
Директора сердце полно.
Немало снопов
Молотилкой прожевано,
Любой колосок разгрызает она.
И смотрит директор,
Победой взволнованный,
На горы соломы
И груды зерна.
Немало им
Пота горячего пролито,
Немало ночей

Проводил он без сна.
Все силы напруг он,
Чтоб хлебное золото
До срока отдать государству сполна.
Как мать,
Он заботу о хлебе вынашивал.
И хлеб, как младенец,
Сегодня рожден.
И вот не узнать нам директора нашего —
Так счастлив своею победою он.
Со смехом погладил он щеки небритые,
Пот вытер со лба.
— Я работал, как мог,
И капельки пота,
В работе пролитые,
Зерном молодым возвратились на ток.

* * *

Родная земля!
Ты добыта в сражении,
У царских сатрапов
Отбита в борьбе.
И право на вечное землевладение
Писали мы кровью своей на тебе.
Победен был путь,
Сквозь сражения пройденный.
Теперь канонада
Не будит лесов.
Но много героев
Погибло за родину,
И много легло
По могилам бойцов.
Сразили их пули.
И кровь их бесценная
По капле ушла
И впиталась в поля.
И капли их крови,
Как зерна священные.

В себе сохранила родная земля.
Немало годов и боев
Было пройдено.
И кровь,
Что как зерна земля приняла,
Теперь на широких полях нашей родины
Счастливой, сияющей жизнью взошла.

1935

НАШ КРЫМ

(Второй отрывок из той же поэмы)

...И поезд, пыхтя, сквозь тоннель пролетает,
И стелется белою лентой дымок,
И тень облаков,
Сторонясь, отступает,
Чтоб поезд лететь беспрепятственно мог.
И белая лента, обвив кипарисы,
Легла, как чалма, на макушке у них,
И клочьями пара,
Как пудрой из риса,
Покрыты кусты виноградника вмиг.
И голосом бодрым
Пропел паровоз:
«Друзья, все в порядке,
Я к цели привез».
Директор наш
Спрыгнул с площадки вагона
И с радостным смехом
Бежит по перрону.
Он белый костюм
Для приезда надел.
Он весел, выбрит
И помолодел.
Закончив в совхозе работу свою,
Теперь отдыхать он приехал на юг.

* * *

Крым...

Крым...

Ты сестра милосердия, Крым.

Ты легким больных
Возвращаешь здоровье.
К тебе мы стремимся с горячей любовью.
Тебя мы считаем
Родным и своим.
Тут море
Кудрявою гривой трясет,
И злится,
И брызжется белою пеной.
Но, друга в приезде узнав,
Постепенно
Оно затихает
И скоро заснет.
Тут скалы,
Сойдясь, как мальчишки, гурьбою,
В воде,
По колено штаны засучив,
Стоят, наблюдая,
Как пеной прибоя
Бурлит и клокочет широкий залив.
И тут черноглазая девушка Крыма
В корзине созревший несет виноград.
А ей по труду и по крови
Сродни мы,
И с нею я
Общею радостью рад.

* * *

В прибрежную пену лучи окуная,
Подымется солнце,
Огромно на вид.
Его пробужденье улыбкой встречая,
Директор один на балконе стоит.
— Здорово!
Ты поздно сегодня поднялось.
Так долго я ждал
Наступления дня.
Напрасно ты, друг,

На меня обижалось
И косо поглядывало на меня.
Пускай же впитаются в кожу частицы
Твоих животворных горячих лучей.
Пусть в теле моем
До весны сохранится
Здоровое зернышко
Силы твоей.
Когда же в совхозе
Работой упорной
Весеннюю снова мы встретим страду,—
Пусть в сердце моем
Животворные зерна
Энергией,
Силой бурлящей взойдут.—
И солнце смеется,
Лучами своими
Его утомленное тело обвив.
Так дружный союз
Возродился меж ними,
Они помирились, упреки забыв.

* * *

Бойцы коммунизма!
Вы в битвах нелегких
Здоровье свое не привыкли щадить.
И если каверна откроется в легких
Иль нервы усталые станут шалить,—
Вы в Крым приезжайте!
Здесь нежные бризы
Подарят вам ласковый свой поцелуй.
Вас к морю,
Построясь в ряды, кипарисы
Проводят до синих сверкающих струй.
Погладит вас солнце
Горячей рукою
Нежнее, чем ваша родимая мать.
И море, когда захотите покоя,

В своей колыбели вас будет качать.
Магнолия
Тут вас одарит цветами,
По цвету похожими на молоко,
И чайки споют,
Пролетая над вами,
О том, как живут
И как любят легко.
Здесь гроздьями ягод прозрачно округлых
Для вас наливались
Шашла и мускат,
Вам руки крымчанок,
Здоровых и сильных,
Нарежут в колхозных садах виноград.
Когда же отъезда приблизится час,—
Вберите целящего воздуха струи
Всей грудью!
И солнце проводит,
Целуя,
Как будто любимая девушка, вас.

* * *

Ты счастлив, певец,
Потому что поёшь
О радостной жизни
Отчизны счастливой,
Где славен и доблестен труд горделивый,
Где отдых — на праздник чудесный похож.

1935

ДЖИМ

1

Сестренке моей минул пятый годок,
А там уже скоро шестой недалек.

День завтрашний — праздничен,
Светел и ярок,—
Какой же купить мне сестренке подарок?

Ко дню бы рожденья цветы преподнес —
Сама она лучше и лилий, и роз.
Купил бы ей куклу в одежде парадной —
Сама она с куколкой схожа нарядной.

Что ж к счастью добавить сестренки моей?
То счастье бескрайно, как воды морей.

Для наших детей это вовсе не диво,
Что радостно жизнь их течет и счастливо..

И диво ль, что детям легко так расти:
Рождаются, счастье сжимая в горсти!
И ты без меня это знаешь, сестренка,—
Твердишь это громко, поешь это звонко!

Есть мудрый отец у советских детей,
И в мире никто их не любит сильней,
И в нашей живет он стране.
И детства не знали еще веселей,
И светится солнце — нет ярче лучей,
Что в нашей сияют стране.

Дитя!

Злая доля тебя миновала,
Ты слез нищеты никогда не знавала,
Твой смех серебристый, твой гомон любя,
Совсем не хочу огорчить я тебя,
Но был сочинил я о девочке дальней,
Прими же в подарок рассказ мой печальный.

* * *

Жила-была девочка в дальнем краю.
О ней эту грустную песню пою.

Вы с нею погодки, такого же роста,
Глаза так же смотрят, прозрачно и просто.

Смеющийся взор так же синь и лучист,
И так же ее голосок серебрист.

Как ты, она любит и песни, и пляску,
И вкусные сласти,
И теплую ласку.

Она, как и ты, родилась, чтобы жить
Привольно,
С весельем и счастьем дружить.

И видеть подлунного мира красу,
И впитывать внешнего полдня росу,
Но там родилась она, там...

Это значит,
Что солнца не видела —
Мрак его прячет.

Что детство — в предместьи,
Что с детства — забота...
В подвале живет, а зовут ее — Лотта.

2

Темен подвал
И сырой — доотказу.
Не было в нем еще солнца ни разу.

Туча, загнавшая солнце во мглу,—
Шупо громадный стоит на углу.
Движется толстый-претолстый медведь.
Усики черные,
Пуговиц медь,
Форменной куртки
Утюжная складка,—
Это шагает блюститель порядка.
Лотта взберется к окошку, бывало,
Долго глядит на него из подвала.

Многоэтажны в Берлине дома.
Свет наверху,
А внизу — полутьма.

Пиршество правят вверху богачи.
К ним полицейский
Шлет взоры-лучи.
А из подвала не видно ни зги:
Сажей нависли его сапоги...

* * *

Матери Лотта своей не знавала,—
Верно, зачахла во мраке подвала.

Засветло едет отец на завод,
Поздно приходит и рано встает.

Лотта — одна средь сырого жилища,
Кофе, сухарь — вот и вся ее пища.

Игр и подруг не имеет она...
Так и сидит и скучает одна.

Пиршество правят вверху богачи.
К ним полицейский
Шлет взоры-лучи.
А из подвала не видно ни зги:
Сажей нависли его сапоги!

И вот ей исполнился пятый годок.
В январских снегах замирает гудок.

Сегодня отец не пойдет на работу —
В торжественный день
Он обрадует Лотту.

Он сварит ей суп —
Замечательный суп!
А суп, если вкусен,
Кому же не люб?

Друзья вечером собирались в подвале
И Лотту с ее торжеством поздравляли.

Пусть неприятельны были подарки —
Зато поздравленья
Сердечны и жарки.

Все празднику Лотты
Так искренне рады, —
Пусть грубы их руки,
Но мягки их взгляды.

От счастья такого
У Лотты впервые
Забегали глазки, такие живые.
И кажется:
Солнце теперь засияло
Невзрачным, заброшенным окнам подвала.
Один из гостей подарил ей,
Сестренка,
Смешного, резинового негритенка.

Такой был курчавый,
Такой белозубый

И так уморительно выпятил губы,
И вот уже Лотта беседует с ним:
— Я дам тебе имя хорошее:
Джим.
Мы будем дружить с тобой,
Милая крошка,
И вместе на шупо смотреть из окошка.
Не надо печалиться,
Черный мой друг,
Что холод у нас
И что сыро вокруг,
Что небо мутится студеным дождем,—
Еще мы до вешней поры доживем!

Но чем же кормить тебя,
Милая детка?
Ведь хлеба так мало,
А мясо — так редко...—
И Лотта замолкла.
И к Джиму прижалась
В глазах ее — горе,
В глазах ее — жалость.

Но — снова счастливая — с другом своим
Беседу ведет:

— Не печалься, мой Джим.
Теперь у нас будут веселые дни.
С тобою хозяйничать станем — одни.
Смотреть из окошка на шупо начнем,
Он круглый, как бочка,
И толстый, как дом!
Мне папа сказал
(А мой папа не врет),
Откуда у шупо большущий живот:
Весь хлеб, полагающийся бедноте,
Хранит он в огромном своем животе...

* * *

Так льется по-детски бессвязная речь.
Она обещает игрушку беречь.

От счастья такого у Лотты впервые
Глаза засветились — такие живые.

И все ей вокруг показалось светло...
Так сердце впервые ее расцвело.

А гости,
При маленьком свете огарка,
О чем-то беседуют
Долго и жарко.

О чем-то советуются впотьмах
И что-то записывают на листках.

Но слушают лепет ребенка невольно,
И сердцу невольно
Становится больно.
И думает каждый:
«Когда не за нас,
За наших детей буду биться сейчас,
И если в неравном погибну бою —
То смерть — за детей,
За надежду мою...»

* * *

Вдруг — свист.
Это знак, что опасность близка.
И гости бегут, не забыв ни листка.
И Лотту целует отец.
— Ты куда?
— Прощай, дорогая!
— Вернешься?
— Да, да.

Я только гостей провожу, и опять
Мы будем с тобою и с куклой играть...

*

Он вышел.

А Лотта — к окошку:

Ни зги!

Но близко тяжелые чьи-то шаги.

Вдруг выстрел в ночную врезается мглу,

И Лотта — в испуге —

Лежит на полу...

* * *

Чудится ей:

Входит толстый медведь,

Усики черные,

Пуговиц медь.

Усики черные стали расти,

Черными змеями стали ползти.

По полу черные змеи ползут,

Милого Джима, как мыши, грызут...

Так пролежала всю ночь на полу.

Алая зорька рассеяла мглу.

Где же отец ее?

Схвачен во тьме,

Вместе с друзьями томится в тюрьме.

* * *

Только что зори костер свой разводят,

Двое — в костюмах коричневых входят,

Двое — фашистские носят значки,

Двое — пустые вонзают зрачки.

Лотта боится невиданных пугал,

Джима схватила и спряталась в угол,

Начался обыск.
Устали, вспотели,
В ящики лазили,
Рылись в постели,
В мусорной даже копались пыли,
А подходящих улик не нашли!

Плюнул один из них, прокляв работу
Нудную...

И замечает он Лотту.

— Глянь-ка,—

Во-сю заорал штурмовик,—

Вот и одна из ужасных улик!

Глянь-ка:

Противная эта девчонка

К сердцу прижала —

Кого? —

Негритенка!

Не разрешается детям арийца

С черною куклой играть и возиться!

Ибо —

Учили так фюреры нас —

Это приводит к смещению рас!

Нам ли терпеть преступленья?

Доколе?

Куклу — забрать,

Описать в протоколе!

Лотта была недвижима сначала,

Но зарыдала тут и закричала:

— Джима не вам подарили,

А мой

Это подарок!

Вот папа домой

Скоро вернется — он всех вас сильнее!

Гадкие люди!

Бегите скорее!

Лотта кричала —
И страшен был крик:
— Джима не дам я! —
Тогда штурмовик,
Чей омерзительн злобный смешок,
Вывал игрушку и бросил в мешок.

4

Ушли.
Лотта снова томится в подвале.
Отец не приходит,
А Джима забрали,
Попрежнему Лотта без друга, одна,
Тоскуя и плача,
Сидит у окна.

И смотрят в окно запоздалые зорьки...
А печь — не топили,
А хлеба — ни корки,
От холода губы ее побелели,
От голода щеки ее пожелтели,
И горькая льется слеза за слезой,
И дума сменяется думой другой.

«Папа, приди же с завода скорей.
Печь разожги и дочурку согрей.

Голод и холод стоят за дверьми —
Их прогони и меня накорми.

Гадкие люди ворвались в наш дом,
Комнату всю перерыли вверх дном.

Рылись везде, ничего не нашли, —
Черного Джима с собой унесли!

Кинули Джима в глубокий мешок,
Чтобы дышать уже больше не мог.

Черного Джима, наверно, погубят,
Черную голову Джиму отрубят.

С кем же весною гулять я пойду,
С кем же я буду резвиться в саду?»

* * *

Сыро в подвале,
В подвале темно.
Лотта глядит, недвижима, в окно.
Выситя толстый-претолстый медведь.
Усики черные,
Пуговиц медь.
Пиршество правят вверху богачи.
К ним полицейский
Шлет взоры-лучи.
А из подвала не видно ни зги:
Сажай нависли его сапоги.

* * *

Горит уже пламя ночных фонарей.
Пришел бы, пришел бы отец поскорей!

Несчастливая Лотта!
Быть может, отец
Отведал предательской пули свинец?

Иль, может быть, звери пытаются его,
Пока не закончилось их торжество?

Без матери Лотта.
Отца же — забрали,
Быть может, закахнет в ужасном подвале.
А может быть —
Это бывает нередко —
Работница-мать
К ней заглянет, соседка,

И жалость возьмет ее,
Даст она ей
Жалкую пищу голодных детей...

5

Я кончил о Лотте и о негритенке
Рассказ, и в глаза поглядел я сестренке.
Я вижу: глубокие эти глаза
Узнали, что значит печали слеза.
Я вижу задумчивость в них и заботу.
Как жалко ей Джима! Как жалко ей Лотту!
Как хочется штурмовикам отомстить!
И я продолжаю стихов моих нить.

У Лотты отец —
Духом тверд и отважен:
И пусть он теперь за решетку посажен,—
Тюремщиков в трепет приводит своих:
За ним — они знают — миллионы других,
Таких же отважных и смелых, таких,—
Тюремщиков скоро прогонят своих.

Подобные грозам,
Подобные бурям,
Большие засовы сорвут они с тюрем,
И пленники —
Мученики палачей —
Узнают сиянье рассветных лучей.
И солнце, горя полнокровно и ало,
Засветит заброшенным окнам подвала,
И пятиконечные звездочки в небе
Взойдут, и прекрасен людской будет жребий!
И Лотта затянет любимую песню
О жизни веселой, о солнце чудесном.
Ту песню простую ты знаешь, сестренка,
Поешь ее громко, поешь ее звонко:

— Как детство смеется! Нет смеха звончей!
И светится солнце — нет ярче лучей,
Что в нашей сияют стране.

Есть мудрый отец у советских детей,
И в мире никто нас не любит сильнее,
И в нашей живет он стране!

Наш вождь и учитель —
Он полон заботы,
Чтоб новая жизнь началась и для Лотты,—
Для всех, кто замучен трудом подневольным,
Для всех, кто стремится к просторам
привольным...

* *

Сестренка задумалась,
Новое что-то
Пришло ей на ум.
— А жива сейчас Лотта?
И если послать ей подарки — они
Дойдут ли?
Сюда поскорее взгляни:
Вот — кукла большая,
Вот — славный слоненок,
А вот — и резиновый ей негритенок!
Не правда ли?
Он ей не будет чужим?
Пускай она тоже зовет его: Джим.
А вдруг... заберут негритенка опять?
— Нет, мы не позволим его обижать.

Блестят ее глазки, и блеск этот ярко,
Готовит посылку:
Подруге подарок...

6

Товарищ МОПР! Средь множества вестей,
Прими последнюю из новостей.

В свои ряды,
Где так сильны сердца,
Зачисли пятилетнего борца.

Как ненавидит старый мир она!
Как ей родная дорога страна!

Как ненавидит дряхлый мир врагов
И как ей близко горе бедняков!

Но дерево, прогнившее давно,
На гибель скорую обречено.

И злость остервенелая его
Лишь означает наше торжество!

ЛЫЖНИК

Мальчонка лет одиннадцать в поле
Летит на лыжах с горки снеговой.
Гляжу и удивляюсь поневоле
И восхищаюсь ловкостью его.
Снег — словно сахарный песок сверкает,
На нем узоры наших лыж легли.
У мальчика
Лицо как жар пылает.
Искрится свитер в ледяной пыли.
Мне не стерпелось,—
Я за ним помчался,
Но тотчас же свалился, как насмех.
Умчались лыжи вниз,
А я остался
На горке той, уйдя по пояс в снег.
Смеется звонко пионер.
Я — тоже.
(Ведь так смешна неопытность моя.)
Но про себя досадовал я все же,—
Какой неловкий и нескладный я.
И подошел тогда я к мальчугану:
— В чем тут секрет, в чем хитрость тут?
Ответь!
Как мне с горы спускаться на поляну,
Чтоб никогда уже не падать впредь?—

А мальчик, умно и серьезно глядя,
Сказал: «Тебе совет хороший дам:
Ты запишись-ка в пионеры, дядя,—
Всему, что знаю, я учился там».

1935